
ДЕН ДЯН СЕК

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ ЭТНОГРАФИИ КОРЕЙСКОЙ НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В прошлом немало корейских ученых посвящало себя этнографическим исследованиям. Еще в XVIII и XIX вв. ученые школы «сильхаки» («точной науки») изучали крестьянский быт. Расширяя представления о жизни крестьян, они выработали свои предложения по улучшению быта. Однако этого было еще недостаточно для того, чтобы корейская этнография превратилась в самостоятельную историческую науку, имеющую свою методику, предмет и задачи.

До освобождения Кореи буржуазными учеными капиталистических стран и корейской буржуазной интеллигенцией был написан ряд произведений, посвященных быту корейского народа. В них отразились буржуазная методология, реакционные концепции и националистически-предрассудки.

Освобождение Кореи Советской Армией 15 августа 1945 г. явилось поворотным пунктом в жизни корейского народа. После освобождения своей родины корейский народ, благодаря активной деятельности Трудовой партии и с помощью стран социалистического лагеря, возглавляемого Советским Союзом, проводя в городах и деревнях Кореи социалистические преобразования народного хозяйства и культуры, превратил свою страну в развитую индустриально-аграрную республику.

Эти коренные изменения, естественно, вызвали огромные перемены в культуре и быте корейского народа. Прежний образ жизни корейского народа, характерный для колониального полуфеодального строя, стал постепенно уступать место новому культурно-бытовому укладу. Перед этнографами открылись широкие перспективы научных исследований.

С первых же дней освобождения страны Трудовая партия Кореи взяла курс на бережное отношение к национальным культурным ценностям и на развитие корейской культуры. Этот курс партии был освещен еще в начале 1946 г. в «Политической программе в 20 пунктах» Временного народного комитета Северной Кореи и в резолюции 29-го заседания ЦК ТПК «О строительстве демократической национальной культуры в Северной Корее». Выступая перед работниками культуры и искусства, товарищ Ким Ир Сен сказал: «Работникам культуры предстоит развивать наше национальное искусство и культуру, совершенствуя передовое и борясь с отсталым в нашем культурном наследии и перенимая все лучшее в культуре передовых стран»¹.

Трудовая партия Кореи и правительство Республики не только указали этнографам пути развития исследовательской деятельности, но и

---

¹ Ким Ир Сен, Избр. соч., т. I. Пхеньян, 1954, стр. 124 (на корейск. яз.).

провели ряд важных мероприятий в целях ее обеспечения. Сразу же после освобождения страны в северной части Республики все культурные ценности перешли в руки народа и бережно хранятся сейчас в залах музеев, открытых для посетителей. В апреле 1946 г. Народный Комитет Северной Кореи опубликовал «Закон об охране сокровищ, исторических памятников и достопримечательностей» и во всех провинциях учредил комитеты по охране исторических памятников, следящие за выполнением закона. Эта работа успешно проводилась при полной поддержке и активном участии населения. В 1947 г., кроме музея в Пхеньяне, было создано еще четыре исторических музея.

В целях упорядочения руководства историко-этнографическими исследованиями, в ноябре 1948 г. Трудовой партией и правительством Кореи был организован «Комитет по охране исторических памятников Северной Кореи», а Кабинетом Министров принят «Закон об охране исторических памятников материальной культуры». В Комитете по охране исторических памятников Северной Кореи был создан специальный Отдел этнографии, ставший центром всей исследовательской работы в этой области.

В годы японского владычества этнографические исследования велись лишь японскими учеными. Национальных кадров научных работников почти не было. Путь к овладению наукой для корейцев был закрыт. После освобождения Кореи в целях подготовки национальных кадров в Пхеньянском университете им. Ким Ир Сена началось преподавание этнографии. Этнографическая работа проводилась и в Историческом музее. В условиях нехватки специалистов этнографические материалы собирались при участии археологов, лингвистов, работников прикладного искусства и этнографов-любителей. В результате было собрано большое количество таких экспонатов, как производственные орудия, предметы быта, одежды, разнообразные украшения и т. д. К собиранию материалов об играх в масках и о крестьянском танце «Нонак» были широко привлечены активисты из народа.

В целях скорейшей ликвидации пережитков прошлого в идеологии и в быту, Трудовая партия Кореи в первые же дни своего существования приняла постановление «О развертывании борьбы за идеологическое перевоспитание». Это помогло этнографам шире развернуть пропаганду за искоренение вредных обычаев, в результате чего усилилась связь этнографической науки с практикой и намного возросло ее значение.

Большую помощь в развитии корейской этнографии оказала передовая советская этнография. Основываясь на марксистско-ленинской методологии, разработанной этнографами СССР, мы смогли правильно определить место этнографии в ряду других исторических дисциплин и ликвидировать влияние буржуазной идеологии, которая в первое время после Освобождения еще давала себя знать.

Издававшийся до 1950 г. журнал «Мунхва Юмуль» («Культурные памятники») ² явился первым после Освобождения специальным органом, в котором печатались труды по археологии, этнографии, истории изобразительного искусства, архитектуре. На страницах журнала было опубликовано несколько статей по вопросам методики этнографии. Статьи эти познакомили читателей с рядом этнографических материалов. К сожалению, на страницах «Мунхва Юмуль» встречались порой и вредные утверждения, характерные для буржуазной этнографии. В частности, имело место нигилистическое отношение к национальному культурному наследству, как следствие пагубного влияния политики японских империалистов, беспощадно попиравших корейскую культуру. Вместе с тем, в этнографических статьях были обнаружены и по-

² Первый номер «Мунхва Юмуль» вышел в 1949 г.

пытки вульгаризировать марксистско-ленинскую методологию, насаждать за ширмой «национального» безыдейность и реставраторство.

Однако эти вредные традиции, некоторое время оказывавшие отрицательное влияние на развитие корейской этнографии, благодаря развернувшейся критике были преодолены.

В декабре 1952 г. на пятом пленуме ЦК ТПК был еще раз намечен последовательный курс Трудовой партии на бережное отношение к национальному наследию и на строительство новой, социалистической национальной культуры. На этом историческом пленуме товарищ Ким Ир Сен заявил: «...У нас имеются еще недопустимо серьезные недостатки, заключающиеся в том, что мы до сих пор не только не изучаем, не анализируем с марксистско-ленинских позиций ценное наследство в области истории, географии, военного дела, политики экономики и культуры, оставленное нам нашими предками, но даже начинаем забывать его»³. После пленума ТПК стала уделять еще больше внимания дальнейшему развитию национального культурного наследия и эта работа поднялась на новую ступень. Стало успешно возрождаться известное еще с древности традиционное национальное искусство: классическая корейская опера, танцы и музыка, живопись, прикладное искусство, народные игры и пр. Быстрое развитие изобразительного, в частности — декоративного искусства привело к созданию научных организаций, призванных двигать вперед его теоретическое изучение. В театрах и вузах были установлены витрины с этнографическими материалами, на периферии создан ряд краеведческих музеев. Все это позволило собирать значительно больше этнографических материалов.

В июне 1950 г. мирное социалистическое строительство в Корее было прервано войной, спровоцированной американскими империалистами и кликой Ли Сын Мана. Немало научных работников добровольно ушло на фронт. Музейные коллекции были эвакуированы в тыл. Во время войны большинство зданий исторического значения было разрушено или серьезно повреждено варварскими бомбежками американских империалистов, а этнографические и другие материалы разграблены. Злодеяния агрессоров вызвали глубокое возмущение корейского народа, который проявил в огне войны безграничную самоотверженность, чтобы сохранить культурные ценности. В период временного отступления Корейской Народной Армии научные работники оккупированных местностей эвакуировались, унося с собой ценные документы и материалы. В эвакуированных вузах и научных учреждениях, хотя они зачастую располагались в землянках, продолжались лекции и исследовательские работы.

Показательно, что в 1952 г., в самый разгар войны, была создана Академия наук Корейской Народно-Демократической Республики открывшая новый этап в развитии науки и культуры страны в целом и в изучении этнографии в частности. Открытый при АН КНДР Институт истории материальной культуры с секторами археологии, этнографии и истории искусства начал свою деятельность с 1953 г.; в 1957 г. он был переименован в Институт археологии и этнографии.

* * *

*

История развития корейской этнографии после освобождения страны делится на два этапа: первый этап — 1945—1952 гг., второй — с 1952 г. по настоящее время. Изучение этнографии на первом этапе характеризуется развертыванием борьбы за ликвидацию остатков вредного влияния японских империалистов, усиленным сбором этнографиче-

³ Ким Ир Сен, Избр. соч., т. IV, 1953, стр. 400.

ческих материалов, участием в собирании этих материалов большого числа работников, занятых в смежных областях науки: археологов, языковедов, археографов и др. На этом этапе в ходе претворения в жизнь политики Трудовой партии Кореи была заложена основа для развития корейской этнографии.

После исторической победы в трехлетней Отечественной освободительной войне корейский народ вновь приступил к мирному строительству. Война принесла нашей стране неисчислимые бедствия, что, конечно, не могло не повлиять на работу молодого сектора этнографии при АН КНДР. Поэтому второй этап развития этнографии начался с восстановления ее материальной и технической базы. Наряду с Государственным историческим музеем были восстановлены или вновь построены исторические музеи в городах Кэсоне, Саривоне, Вонсане, Чендине, Хамхыне, Синидю, Хэдю и др. Институт этнографии и археологии при АН КНДР стал одним из научных центров Республики, благодаря чему дальнейшие этнографические исследования стали вестись по единому плану.

Одним из успехов корейской этнографии, достигнутых на втором этапе ее развития, является значительное повышение ее теоретического уровня. Другой успех состоит в том, что этнографы стали активнее участвовать в разрешении насущных вопросов, возникающих при выполнении выдвинутых партией практических задач. Это связано с огромным подъемом социалистического строительства в КНДР, установлением безраздельного господства социалистической экономики в городе и деревне, успешным проведением культурной революции среди трудящихся, что, в свою очередь, породило новые, социалистические формы быта и культуры.

Принятая на III съезде ТПК (апрель 1956 г.) резолюция, являющаяся исторической программой социалистического строительства в северной части Республики, имела большое значение для дальнейшего развития нашей этнографии. На основе решений съезда работниками общественных наук был создан десятилетний перспективный план развития этнографии. Основное внимание в этом плане уделено быстрейшему распространению новой, социалистической культуры и быта в городе и деревне, для чего, в свою очередь, развернуто изучение культурного наследия корейского народа⁴.

Эта работа была начата прежде всего среди крестьянских масс, так как повышение культурного и технического уровня, улучшение жизни и перевоспитание некоторых консервативно настроенных крестьян являются важными звеньями в деле завершения социалистической революции в нашей стране.

Вскоре был опубликован ряд статей по методике этнографических исследований в деревне, среди них — «Культурное строительство на селе и быт крестьян» (журн. «Мунхва Юсан» — «Культурное наследие», 1957, № 6), «За дальнейшее развитие корейской этнографии» («Мунхва Юсан», 1958, № 4), «За дальнейшую связь этнографии с жизнью» (тот же журнал, 1958, № 3). Эти статьи сыграли немалую роль в продвижении вперед исследований в области этнографии. Большое место в этих статьях занимает обсуждение направления исследований уходящих в прошлое сторон корейского быта и освещение народного характера тех национальных культурно-бытовых традиций, которые целесообразно развивать. Естественно, что при исследовании культуры и быта деревни большое внимание было уделено и этнографии периода до 1958 г., когда завершилось кооперирование сельского хозяйства. Следует отметить этнографическое изучение производственных процессов, пахотных орудий, народного земледельческого календаря, организации труда в

⁴ Материалы III съезда Трудовой партии Кореи, М., 1957, стр. 156—186.

единоличном крестьянском хозяйстве. Написан ряд статей о местных пахотных орудиях, завершена их систематизация и составлена подробная карта их распространения. В результате появился исторический обзор происхождения и усовершенствования таких орудий, как соха, мотыга, серп и др. Было опубликовано немало материалов о земледельческих обычаях. Собранные материалы оказали известную помощь в развитии земледелия. Кроме того, собирались материалы по охоте, рыболовству, деревообделочному промыслу. Эти материалы показали, что в производственных процессах иногда еще наблюдаются архаические черты.

В целом исследования о культуре и быте крестьян, хотя и имели сравнительно узкий объект изучения, позволили выявить такие национальные черты нашего народа, как жизнелюбие, оптимизм, трудолюбие, чувство товарищества и коллективизм.

После Освобождения, когда стали осуществляться техническая реконструкция и кооперирование сельского хозяйства и успешно завершилась земельная реформа, имевшие целью обеспечение победы социализма во всей стране, произошли коренные изменения в социальном положении, быте и сознании крестьян. Эти перемены поставили перед этнографами новые задачи: проследить и осветить закономерности развития указанных выше перемен и одновременно изучать новую, социалистическую культуру и быт. Однако здесь этнографы столкнулись с рядом трудностей. Прежде всего, необходимо было преодолеть консерватизм некоторых научных работников, возражавших против того, чтобы современная жизнь стала предметом этнографического исследования. Нелегко было и правильно определить, на что именно из современной действительности следует направить внимание исследователей. Необходимо было провести работу, разъясняющую правильную постановку исследуемых проблем и их научное значение. Этой цели были посвящены статьи: «Как исследовать новую культуру и быт трудового крестьянства» («Мунхва Юсан», 1958, № 6), «О новой культуре и быте трудового крестьянства» (в серии «Этнографические исследования», вып. 2), «Очерковые задачи этнографии в свете задач, поставленных на съезде сельскохозяйственных кооперативов КНДР» («Мунхва Юсан», 1959, № 1). В статьях показывалась правильность политики партии по кооперированию сельского хозяйства; обосновывалась необходимость серьезного изучения успехов советской этнографии и их творческого применения в корейской действительности; говорилось об эффективности этнографического исследования культуры и быта кооперированного крестьянства⁵; вносились конструктивные предложения по новой методике исследования.

Значительные перемены в жизни крестьян, произошедшие после завершения кооперирования сельского хозяйства, придавали этнографам уверенность в успешном проведении коллективных исследований по темам, взятым из живой действительности. В целях привлечения широких народных масс к сбору этнографических материалов была опубликована «Программа сбора на местах этнографических материалов о сельскохозяйственных кооперативах».

Особенное внимание было уделено этнографическому изучению семейного быта, жилища и культурного строительства в деревне. Статьи о семейном быте показали все развивающуюся тенденцию перехода от большой семьи к малой. В корне изменились отношения между членами семьи. Отмечается, что по мере роста участия женщин в экономической

⁵ В статье «О свадебных обрядах, бытующих среди членов кооперативов провинции Южрый Пхеньян» («Мунхва Юсан», 1957, № 5), научный сотрудник нашего Института Ким Син Сук выступила инициатором этнографического исследования кооперированного крестьянства.

жизни и обеспечения им возможности повышать культурный уровень коренным образом меняется их роль в общественной и семейной жизни. В статьях убедительно раскрывается смена старых обычаев новыми в семьях членов кооперативов. В частности, интересны новые формы бракосочетания и связанные с ним церемонии. В статьях о жилище дается описание основных типов домов на северо-западе страны и анализ природной и социально-экономической обусловленности каждого типа. Особо подчеркнуто, что на месте бывших жалких хозяйственных построек — пристроек к жилым домам — появляются обобществленные благоустроенные здания производственного назначения. Собранные материалы об изменениях в быте и культуре корейской деревни позволили этнографическому музею открыть новую экспозицию — «Современная жизнь».

В 1959 г. наши работники проводили систематические исследования культуры и быта крестьян сельскохозяйственного кооператива «Корейско-китайская дружба» (уезд Сунн провинции Южный Пхёнан). В результате была написана брошюра «Культура и быт в сельскохозяйственном кооперативе „Корейско-китайская дружба“», которая в ближайшее время выйдет в свет.

Коллектив этнографов начал исследование ряда общих вопросов культуры и быта членов кооперативов: влияние технической революции на обычаи крестьян; значение культурной революции в деле коммунистического воспитания крестьянства и др.

Не менее важно исследование культуры и быта рабочих. Являясь авангардом корейского народа в его героической борьбе против господства японских империалистов, рабочий класс Кореи имеет славные революционные традиции. Однако до освобождения страны рабочие Кореи, беспощадно эксплуатируемые японскими колонизаторами, были не в состоянии полностью проявить замечательные черты своей культуры. В ходе трехлетней войны корейские рабочие сыграли огромную роль, самоотверженно борясь за свободу и независимость своей родины. После освобождения страны положение рабочего класса в корне изменилось. В ходе социалистического строительства и претворения в жизнь законов о национализации промышленности, о труде и других демократических преобразований рабочий класс Кореи стал ведущей силой в создании новой культуры. Творческий энтузиазм, с которым в послевоенное время рабочие Кореи взялись за строительство социализма, позволил им совершить поистине великие трудовые подвиги. Особенно в последние годы, стоя на переднем крае всенародного движения «челлима», рабочие нашей страны своим новаторством в области техники творят чудеса, следуя девизу: «учиться, жить и работать по-коммунистически».

Рабочие по самой своей классовой природе быстрее и последовательнее могут ликвидировать пережитки прошлого и творчески воспринять все новое. Поэтому культура и быт рабочих — продолжение и развитие лучших традиций народа. Рабочий класс Кореи воспитан в духе революционных традиций, в духе пролетарского интернационализма и коммунистической морали. Революционные традиции помогли рабочему классу Кореи избежать буржуазного национализма и шовинизма. Его культура и быт с каждым днем обогащаются прогрессивными элементами культуры других народов. В то же время быстрое становление национальной по форме, социалистической по содержанию культуры еще теснее сплачивает наш народ, превращая его в новую, социалистическую нацию.

Однако до сих пор в свет не вышло ни одного труда, посвященного упомянутым вопросам. Научная работа в этом направлении начала активизироваться только с 1958 г. В скором будущем завершится исследование культуры и быта рабочих горнорудной и металлургической промышленности.

По вопросам народного искусства вышли в свет работы: сборник

«Корейские народные развлечения» (Госиздат, 1955) и работ Ким Иль Чуль «Исследование корейского быта. Игры в масках» (серия «Этнографические исследования», вып. 1, 1958). Автор последней из этих работ попытался впервые систематизировать историю развития корейских игр в масках, осветил черты национальной драматургии VII—XVI вв. и предложил периодизацию истории корейского театра. Исследования игр в масках сыграли немаловажную роль в изучении истории драматургии Кореи и широком распространении среди трудящихся народных развлечений — игр в масках, кукольных представлений, песен и танцев, забытых в годы японского владычества.

Особое место в этнографических исследованиях занимают проблемы этногенеза корейцев. На это давно обращали большое внимание наши и зарубежные ученые. Археологи и археологи выступали с многочисленными гипотезами, но общепризнанных результатов еще не получено! Poleмика вокруг этих вопросов развернулась после освобождения страны, когда исследование древней истории Кореи стало одной из важнейших задач наших историков. В ходе полемики о характеристике древних племен, о социально-экономической структуре трех царств, об образовании корейской буржуазной нации, выдвигались новые гипотезы. В сборниках научных дискуссий и в журнале «Ёкса квахак» (Историческая наука) появилось много ценных статей, продвинувших вперед историческую науку. При этом сам характер вопроса потребовал активизации совместной работы археологов, этнографов, антропологов, археологов, лингвистов.

Быстрое развитие археологии позволило собрать много материалов, помогающих разрешению указанных вопросов. Членом-корреспондентом АН КНДР То Ю Хо и его коллегами написан ряд монографий и научных статей, в том числе «Исследование остатков первобытного общества в селе Дитхапри уезда Вонсан» («Мунхва Юсан», 1957, №№ 3 и 4), «Исследование памятников мегалитической культуры в Кореи» («Мунхва Юсан», 1959, № 2), «О носителях древней культуры на о-ве Чходо близ гор. Начжина» («Мунхва Юсан», 1960, № 1). Эти работы посвящены изучению древних племен нашей страны; в них до некоторой степени освещены такие важные археологические проблемы, как взаимоотношения между древними племенами Кореи и Дальнего Востока в XX—X вв. до н. э., основные черты культуры древних племен Кореи и сходство их культурной жизни с жизнью племен Юго-Восточной Азии.

Большим успехом этнографических исследований по вопросам происхождения племен следует считать то, что пролит свет на жизнь киданей, составлявших в свое время большинство населения северных районов Кореи. В частности, в труде «Культура и быт в горных поселках Декасын на севере провинции Северный Хамген», написанном заведующим кабинетом этнографии Хван Чер Саном и опубликованном в вып. 4 серии «Этнографические исследования» (1960 г.), исследуется ход ассимиляции киданей с племенами, населявшими районы провинции Хамген, и определяется время их переселения. Вместе с тем эта работа дает ценный сравнительный материал для исследования культуры и быта малых народов, расселенных по районам северо-востока Китая и Приморской области. Проблема происхождения корейских племен — одно из слабых мест в изучении общей истории Кореи. Именно на освещение этого вопроса направлены сейчас усилия и археологов, и этнографов. С этой целью десятилетний перспективный план развития корейской этнографической науки предусматривает и антропологические исследования. К сожалению, у нас пока еще не хватает квалифицированных кадров.

Начались исследования в области истории первобытного общества. Особое внимание в этой области уделяется следующим проблемам: пе-

риодизация истории первобытного общества, сложение племен, пережитки матриархата, общинный коллективный труд. Однако в этой работе сделаны только первые шаги. Идя в ногу с достижениями археологии, корейские этнографы должны решить вопросы о характере первобытных общин и их разложении, о первобытной идеологии и культуре и ряд других проблем.

Для решения вопросов о том, когда образовались государства древних Чосон, Когурё, Пэкче и Силла, кто их населял и каковы были их социальные черты, Институтом в ноябре 1959 г. и марте 1960 г. были организованы научные конференции. Обсуждение этих проблем вызвало в наших научных кругах огромный интерес, но развернувшаяся острая полемика еще далеко не закончена. Раскопки фресок периода Когурё дают ценные материалы для этнографического исследования. Изучая фрески гробницы № 3 в уезде Анак и других древних могил, относящихся к IV—VII вв. н. э., можно познакомиться со всеми сторонами быта населения государства Когурё, его общественной структурой, экономической и культурной жизнью, религией и пр., вплоть до одежды, питания и жилищ. Музыкальные инструменты, оружие, одежда, орнаменты Когурё широко известны всему миру.

Наряду с научно-теоретической систематизацией этнографических материалов большое значение имеет их использование для идейно-воспитательной работы в широких народных массах. В этом отношении большое значение имело открытие в 1957 г. Центрального этнографического музея в г. Пхеньяне. Располагая приблизительно десятью тысячами экспонатов, музей представляет собой солидное массово-просветительное учреждение. Музей деятельно ведет международный обмен этнографическими материалами, организует выставки зарубежных этнографических экспонатов.

Достижения этнографической науки популяризируются в журнале «Мунхва Юсан», выходящем шесть раз в год, и в изданиях серии «Этнографические исследования». Своей основной задачей «Мунхва Юсан» считает ознакомление читателей с достижениями корейских и зарубежных этнографов, с материалами, собранными местными активистами, со всеми новостями в области этнографической науки.

Огромную работу по собиранию народных песен и других фольклорных произведений проделал Институт народного творчества (1956—1958 гг.), образованный на основе краеведческого музея и помещавшийся вначале в Национальном художественном театре.

Собирание и исследование произведений фольклора ведет кафедра литературоведения Института языка и литературы при Академии наук КНДР. Начиная с текущего года издается журнал «Инмин чханчак» («Народное творчество»), задачей которого является популяризация новейших достижений в области фольклористики и этнографической науки.

Таким образом, корейская этнография за 15 лет добилась определенных успехов. Но она все еще не удовлетворяет требованиям, предъявленным к ней III съездом Трудовой партии Кореи, призвавшим «в недалеком будущем в своей научно-исследовательской работе достичь уровня передовой мировой науки»⁶. Тем не менее мы, корейские этнографы, твердо уверены, что эта почетная задача будет успешно выполнена.

Следует отметить, что если в северной части Кореи вместе с бурным развитием культуры и науки заметно продвинулись вперед собирание и систематизация этнографических материалов, то в Южной Корее сложилась диаметрально противоположная обстановка.

⁶ Ким Ир Сен, Отчетный доклад ЦК ТПК III съезду ТПК. В сб. «Материалы III съезда Трудовой партии Кореи», стр. 121.

С первых же дней оккупации Южной Кореи американские империалисты разрушали и грабили ценнейшие памятники культуры. Они расхищали богатейшие этнографические материалы и художественные изделия — золотые короны, фарфор периода Корё и другие предметы, которые хранились в Сеульском этнографическом музее, Художественной галерее, исторических музеях Кэсона, Кендю и Пуё и в частных сокровищницах. Так, еще в 1949 г. южнокорейская печать сообщала, что в США находятся 24 080 корейских исторических памятников культуры.

Еще циничнее американские агрессоры вели себя в период трехлетней войны. Они увезли в США более 7800 памятников культуры, хранившихся в Сеуле, в том числе «Личжо силок» («Летопись династии Ли»), свыше 8000 исторических документов и т. п. Этот грабодобрялся и поддерживался лисынмановскими предателями. Несмотря на всенародное сопротивление, в 1952 г. марионетки из клана Ли Сын Мана протасили на рассмотрение парламента так называемый «проект организации выездной выставки государственных сокровищ за границей» и после трехкратного отказа большинства депутатов в апреле 1955 г. все-таки добились осуществления этого проекта. «Выездная выставка» была не более, как занавесом, за которым скрывалась грязная купля-продажа культурных ценностей, совершаемая лисынмановскими лакеями и их заокеанскими покровителями.

В Южной Корее подвизаются пропагандисты «американского образа жизни» и фальсификаторы истории. Апологеты буржуазной идеологии, насаждаемой империалистами США, пытаются уничтожить остатки корейской науки, в том числе науки историко-этнографической.

По вине южнокорейских властей этнографы КНДР лишены даже возможности переписываться с южнокорейскими этнографами. Такое положение немало мешает координированному развитию корейской этнографии. Но эта искусственная преграда будет уничтожена. Мы уверены, что Южная Корея будет освобождена от империалистов и марксизм-ленинизм станет знаменем этнографической науки объединенной Кореи.